

В. В. Виноградов

**Эволюция русского
натурализма**

Гоголь и Достоевский

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
В11

В11 **В. В. Виноградов**
Эволюция русского натурализма: Гоголь и Достоевский / В. В. Виноградов –
М.: Книга по Требованию, 2016. – 390 с.

ISBN 978-5-458-55646-0

ISBN 978-5-458-55646-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ ГРОТЕСК

Сюжет и композиция
повести Гоголя «Нос»

В литературе о Гоголе укрепилось субъективно сложившееся у читателя, далекого от начала прошлого столетия, мнение о странности сюжета повести: «Нос». Рассматривалась ли эта новелла, как «шутка своеобразной авторской фантазии и авторского остроумия» или как осуществление определенной художественной цели, направленной на воспроизведение окружающей пошлости, — происхождение анекдота о носе, послужившего поводом для разработки комических приемов, оставалось загадочным. Между тем утверждение, что «композиция у Гоголя не определяется сюжетом, — сюжет у него бедный, скорее, нет никакого сюжета» (Эйхенбаум. Как сделана «Шинель» Гоголя), — можно применить и к повести «Нос». В ее основу положен ходячий анекдот, объединивший те бытовые толки и каламбуры о носе, о его исчезновении и появлении, которые у литературно-образованных людей начала XIX столетия осложнялись еще реминисценциями из области художественного творчества. Ведь даже в 50-х годах Н. Чернышевскому новелла Гоголя «Нос» представлялась «пе-

рассказом общеизвестного анекдота»¹⁾. А литературная атмосфера 20—30 годов была насыщена «носологией».

I

Отдел «носологии» в журналах и газетах первой четверти прошлого века открывается переводом на русский язык замечательного романа Стерна: «Жизнь и мнения Тристрама Шанди», вышедшим в 6 частях с 1804 по 1807 г. Этот роман вызвал в русской литературе многочисленные подражания, напр., роман Якова Санглена: «Жизнь и мнения нового Тристрама» (М. Унив. тип., 1825 г.), и укрепил в ней ряд комических приемов. Тристрам Шанди часто упоминался и в переводных повестях, напр., в «Сказках моего деду» Боте («Московск. телеграф», 1828 г., № 1, ч. 20), в «Шагреновой коже» Бальзака, и неизменно рекомендовался читателю²⁾.

¹⁾ Н. Чернышевский. Очерки Гоголевского периода русской литературы. 1892, стр. 142: «С Гофманом у Гоголя нет ни малейшего сходства: один сам придумывает, самостоятельно изображает фантастические похождения из чисто немецкой жизни, другой буквально пересказывает малорусские предания („Вий”) или общеизвестные анекдоты („Нос”)».

²⁾ Проблема «шандеизма», как литературного явления, которое имело сложную эволюцию на русской почве с XVIII в. (см. хотя бы у Карамзина: «Рыцарь нашего времени»: «Отец Леонов был... израненной отставной капитан, человек лет в 50, ни богатой, ни убогой и — что всего важнее — самой доброй человек; однако ж ни мало не сходный характером с известным дядею Тристрама Шанди»... Сочинения Карамзина. СПб, 1848 г., т. III, 241 стр.), в истории русской литературы почти не затронута.

Между тем нос был одним из больных мест Тристрама Шанди. «Вытаскивая Тристрама Шанди, доктор Слуп сделал из его носа яичницу» («Жизнь и мнения Тристрама Шанди». СПб, 1804 г., т. II, 242 стр.). И отец его горевал об этом: «пускай бы он был дурак, осел, гусь и что хочешь, — да дай ему только порядочный нос, и двери Фортуны перед ним отворены» (т. III, 177 стр.). Проблема носа и независимо от несчастия с Тристрамом интересовала отца-Шанди. И обзор литературы «о пользах и пристойных употреблениях длинных носов» занимал значительное место в рассуждениях отца-Шанди, кото-

Ср. мои «Этюды о стиле Гоголя», Б. М. Эйхенбаума: «Лермонтов». 1924. Необходимо к тому же помнить, что роману типа Стерна с сознательным «обнажением приема», с причудливой игрой «образом автора», художественного «я», с разрушением художественных «иллюзий» принадлежала большая роль и в литературе Запада конца XVIII—первой трети XIX в. (ср. школу Ж. Жакена во Франции, «стернианство» Стендаля, ироническую композицию романа немецких романтиков и т. п.). Формы восприятия и разработки «шандеизма» в русской литературной среде многообразны.

Любопытен перенос термина «шандеизм» и во «внелитературный» план. В «Соборях» Н. Лескова протопоп Туберозов так писал в «демикатоновой книге»: «Припоминаю невольно давно читанную мною старую книжку английского писателя, остроумнейшего пастора Стерна под заглавием „Жизнь и мнения Тристрама Шанди“ и заключаю, что, по окончании у нас сего патентованного нигилизма, ныне начинается шандеизм, ибо и то и другое не есть учение, а есть особое умственное состояние, которое, по Стернову определению, „растворяет сердце и легкие и вертит очень быстро многосложное колесо жизни“». Полное собр. соч. Н. Лескова. 1902. Т. I, 147 стр.).

рый стремился «найти мистический и аллегорический смысл» в сочинениях по этому вопросу и «разрешать носы» (ib., 49 стр.). «Тут есть над чем попотеть, братец» (ib., 26 стр.). «Ведь низшие существа умствуют носами» (ib., 44 стр.). Тем более, что «ни одна из сцен (домашнего театра) не была столь забавна, как те, которые рождались от носов» (ib., 42). А между тем, «мало великих гениев писали о больших носсах» (ib., 16 стр.). К тому же «материя о долгих носсах слишком легко была трактована всеми, которые за это принимались», исключая, впрочем, Славкенбергия. И для заполнения «праздного времени» Тристрамом Шанди рассказывается «девятая сказка десятой декады» Славкенбергия, описывающая злоключения Диего, большой нос которого возбудил подозрения у прекрасной Юлии. При этом сам Диего совсем скрывается за своим носом, который, вызывая общее любопытство и толки, постоянно отвлекается от своего носителя и олицетворяется.

— «Я вижу на нем прыщи», — сказала жена трактирщика.

— «Это мертвый нос», — отвечал трактирщик.

— «Он так же жив, как я сама жива», — сказала трактирщица, — «и вот я его пощупаю» (ч. III, 77 стр.).

В высшей степени ярко изображена тревога, распространившаяся под влиянием слухов о носе.

«Нос учтивого иностранца поселился в мозгу аббатисы... Четыре главные дамы ее капитула всю ночь не могли сомкнуть глаз, так что поутру они встали с постели, как тени» (ч. III, 82 стр.)... «...Многие сестры, ворочаясь на

своих ложах, обчесались и ободрались почти до смерти» . . . (ib., 83 стр.).

«Нос возбудил всеобщий беспорядок в воображении» (85).

«В домах, на улицах, площадях, с равною откровенностью, с равным красноречием говорили и утверждали о нем столько странного, что, наконец, все разговоры на него обратились» (86). Словом, «каждый горел нетерпением узнать об этом происшествии» (89).

«Медики и глубокие исследователи природы разделились в своих мнениях» (95). «Одни ученые утверждали даже, что в природе не существует причины, которая бы воспрепятствовала человеческому носу вырасти длиною с самого человека» (92). «Целый город наполнился носом» (112—113).

Но далее развертыванье мотива о носе неожиданно и характерно кончается.

С колючей преднамеренностью врезывается в изложение катастрофы, под которой разумеется «освобождение героя из лабиринта, приведение его из смущенного и печального состояния к состоянию спокойному и благополучному», своеобразный прием обнажения схемы: автор схематически выясняет читателю композицию своей сказки и приводит его к сознанию близости заключительного аккорда, но затем сразу неожиданно обрывает рассказ.

Уже при беглом обзоре ситуаций и мотивов «носологии» у Стерна бросается в глаза сходство с ними разработки тех же мотивов в новеллах Гоголя. И, конечно, «Тристрам Шанди» был известен Гоголю: его он мог найти в библиотеке Д. П. Трощинского (см. Чудаков, Г. И. «Отно-

шение творчества Гоголя к зап.-европ. литературе», 180 стр.). Но «Нос» Гоголя отделен от русского перевода Стерна тридцатилетним промежутком, и за это время у носологии успела сложиться своя история. «Жизнь и мнения Тристрама Шанди» возбудили в русской литературе интерес к мотиву о носе и вовлекли его в новые ситуации, резко разнившиеся от старой литературной традиции «похождений увеселительного шута и великого в делах любовных плута, Совестьдрала, большого носа».

Прежде всего сюда примыкают рассказы о злключениях носачей. В них большой нос имел значение узла, объединяющего комические эффекты, или служил орудием обличительной сатиры. Таков, напр., напечатанный в № 72 «Литературных прибавлений к «Русскому Инвалиду» за 1831 г. 9 сент. «французский анекдот»: «Нос» (об этой газете за 1831 г. Гоголь упоминает в письме к А. С. Пушкину от 21 авг. Письма Гоголя, т. I, 186 стр.). Здесь передавалась комически грустная исповедь человека, вызывавшего у всех отвращение, насмешки и гонения одним видом своего лица, все черты которого слились в чудовищно-большой нос.

Тот же мотив вплетается в незавершенный отрывок Гоголя из предполагавшейся книги под названием: «Лунный свет в разбитом окошке чердака на Васильевском Острове, в 16 линии» (Сочинения Н. В. Гоголя, под редакц. Н. С. Тихонравова, изд X, т. V, 96-97 ст.). Здесь большой нос определяет характер и обрисовку «петербургского счастливец», который, как отрицательный полюс в беспокоившей творческую фантазию Гоголя романтической антитезе «юного мечтателя»

и «самодовольного существователя столицы» (П. Г., т. I, 124 стр.), сразу же становится мишенью художественных издевательств Гоголя.

В лице существователя столицы «нельзя было заметить ни одного угла... Лоб не опускался прямо к носу, но был совершенно покат, как ледяная гора для катанья. Нос был продолжением его — велик и туп. Губа только верхняя выдвинулась далее. Подбородка совсем не было. От носа шла диагональная линия до самой шеи. Это был треугольник, вершина которого находилась в носе» (Соч. Гоголя, т. V, 97 стр.).

II

Помимо новелл о похождениях носачей, роман Стерна вызвал и другую форму разработки мотива о носе. Стараясь снять с себя упреки Тристрама Шанди в слишком легкой трактовке материи о носах, русские журналы охотно давали место панегирикам носу, в которых патетически выяснялось огромное значение носа для человека. Еще Чудаков отметил помещенный в «Молве» за 1831 г. перевод коротенького шутивого произведения Цшокке: «Похвала носу» (Чудаков, «Отношение творч. Гоголя к зап.-европ. литер.», 107 стр.). Играя метафорой, автор этой шутки то помещает нос в царство неорганической природы, рисуя его, как скалу или камень, «о который разбивается бесчисленное множество поцелуев», то — представляет его в роли одушевленного благодетеля человечества — «естественного первого наставника», «у которого берут уроки наши дети» в младенческие годы, и помощника в дружбе: *«пусть один нос попросит табаку у другого,*

пусть вступит с ним в сношения, и ваше знакомство уже сделано» («Молва». 1831 г., ч. 2, 197 стр.). Обстоятельно разъясняя огромное значение носа в разных возрастах и положениях человеческой жизни, панегирик носу особенно подчеркивает связь носа с честью человека («нос — знак чести, носимый на лице» (ib., 196 стр.) и вслед за Тристрамом Шанди указывает на зависимость от носа процессов мышления: «у многих он есть явное седалище мыслей, ибо, когда ничего уже нельзя извлечь из головы, тогда обыкновенно кладут палец на нос, из которого вытекают обильные плоды» (196 стр.). Как заключительный аккорд, звучит насмешливое замечание в стиле Тристрама Шанди: «если сей опыт дойдет до рук какогонибудь гения и породит в нем мысль посвятить свой талант и свое перо в пользу носа и тем вознаградить несправедливость и неблагодарность человеческого рода к сей части тела, то моя цель будет достигнута, а читатели, вероятно, простят за то, что я часто заставляю их морщить нос своим длинным и скучным рассказом» (ib., 201 стр.).

«Похвала носу», помещенная в «Молве», была знакома Гоголю. Гоголь не только читал «Молву» за этот год, но иногда ее переписывал. Так, здесь он нашел образец не только той вывески, которую увидел Чичиков при осмотре города (изд. X, т. III, 7 стр. Ср. В. В. Каллаш. «Заметки о Гоголе». «Историч. Вестн.» 1902 г., № 2, 681 стр.), но и другой — бесфамильной, которую выбрал себе злополучный цирюльник: «один, с диогеновской замашкою, просто пишет...: здесь Яков; другой, напротив, чин чином: здесь Иван Василичъ» («Молва», 1831 г., ч. VI,

стр. 8—9). Ср. в одной из первых редакций «Носа»: «на вывеске... не выставлено ничего больше, кроме: здесь живет Иван Яковлевич» (изд. X, т. II, 568 стр.).

«Похвала носу» не была единичной. Те же мотивы и те же образы повторяются в «Панегирике носу» Карлгофа, напечатанном в № 62 «Литературных прибавлений к Рускому Инвалиду» за 1832 г. Распространенно комментируется мысль, о связи носа с благородством человека: «храбрый забияка и человек, у которого оскорблена честь, угрожают противнику лишением носа; они знают, что с потерей носа теряется благородство человека, что нос есть олицетворенная честь, прикрепленная к человеку». Уже в самой формулировке этого положения чувствуются намеки на толки об утрате и восстановлении носа, которые усердно поддерживались журнально-газетной смесью в связи с распространением ринопластики и подправлялись пикантными анекдотами. По этой же плоскости скромно скользят и эти смеющиеся слова: «О нос, чистейший нравственностью! ты вопиешь о пороках того человека, который тебя носит! Твои улики безмолвны, но красноречивы. Твой пунцовый цвет изобличает человека, предавшегося вполне Бахусу... Но в этом ли одном пороке ты уличаешь смертных?» Настойчиво внушается мысль о самостоятельности носа, о неполном слиянии его со «смертными»: «О нос, ты мыс, выдающийся из человека, чтобы можно было тобою любоваться со многих сторон, чтобы смертные замечали, что ты не вовсе общее с ними».—«Ты первый можешь подвергнуться вражьим ударам...». С таким упорством отстаивается личная независимость носа.

В ближайшие отношения с «Панегириком носу» Карлгофа должно быть поставлено вступление к рассказу о носаче Дербендском беке Гаджи-Юсуфе в повести Мерлинского: «Мулла-Нур», печатавшейся в «Библиотеке для чтения» за 1836 г., томе XVII, цензурное разрешение на который дано 29 июня, т. е. за несколько месяцев до появления в печати «Носа» Гоголя. Тоном панегирика с прозрачным намеком на печатавшиеся в прибавлениях к «Инвалиду» «статейки» начинается сказ о носе: «Куда, подумаешь, прекрасная вещица — нос! Да и превосходная какая! А ведь никто до сих пор не вздумал поднести ему похвальной оды, ни стихов поздравительных, ни даже какойнибудь, журнальной статейки хотя бы *инвалидною прозою!*.. Что выдумали люди для носа, позвольте спросить, для почтеннейшего носа? Ничего, положительно ничего, кроме розового масла и нюхательного табаку, которыми они развращают носовую нравственность многих и казнят обоняние остальных. Неблагодарно это, господа, как вы хотите: неблагодарно! Он ли не служит вам верой и правдою?.. Нашалили руки, — ему достаются щелчки... Господи, воля твоя... *За все про все бедный нос в ответе, и он все переносит с христианским терпением; разве осмелится иногда всхрапнуть: роптать и не подумает.*»

Связь этого лиро-комического сказа с «Панегириком носу» Карлгофа не подлежит сомнению: помимо намека на инвалидную прозу, ее выдает и общность отдельных выражений («нос — вечно в авангарде», «он — докладчик и проводник души цветов к душе нашей»), и близость образов, и характер стиля.